

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ПРОГРАММНЫХ УСТАНОВКАХ СИБИРСКИХ ОБЛАСТНИКОВ, ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ СИБИРСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ДУМЫ (1917 – ЯНВАРЬ 1918 г.)

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 04-01-00380а

Эта статья о проблеме поисков оптимального решения национального вопроса в полиэтничном государстве, предпринятых сибирскими областниками. В эпоху революций 1917 г. они пытались найти его решение на принципах правового и культурного плюрализма. Опыт областников рассматривается на основе широкого круга исторических источников.

Национальный («инородческий») вопрос всегда являлся для сибирских областников одним из тех вопросов, решение которых было возможно, с их точки зрения, лишь вместе с достижением автономии Сибири. Конкретная программа реализации автономистской концепции была принята на съезде Сибирского областного союза в августе 1905 г. Она предусматривала областное самоуправление Сибири в форме Областной думы, в ведение которой предполагалось передать в числе других и инородческий вопрос [1. Стб. 3253–3254].

Для политического выражения своей концепции решения инородческого вопроса областники прибегли к кадетской формуле «культурного самоопределения». Г.Н. Потанин писал в этой связи: «Право культурного и даже национального самоопределения» «за нерусским населением надо признать, во-первых, в узких интересах самих этих племен, для них необходимо общественное возрождение для своей защиты в борьбе за существование; во-вторых, умственная и общественная деятельность этих племен, развиваясь оригинально, внесет что-нибудь новое в общую сокровищницу человеческого духа. Если эта производительность не будет плодотворна, то все-таки ее плоды будут интересны; это будут оригинальные произведения, продукты сибирского ума, воспитанного картинами тундры и тайги» [2. С. 267].

До 1917 г. в областничестве существовали два течения. Первые («автономисты»), во главе с Г.Н. Потаниным, исходили из общих для всей Сибири – от Урала до Тихого океана – «экономических и культурных интересов без национальной подкладки», отстаивая необходимость автономии Сибири и «общего законодательного корпуса для всей Сибири» – Сибирской областной думы – с подчинением ей «инородческих учреждений, снабженных сравнительно с общей сибирской думой ограниченной законодательной властью». По мнению «автономистов», интересы инородцев будут лучше ограждены, если над ними будут наблюдать две думы, государственная и областная. Учреждение сибирской думы для инородцев выгодно потому, что в государственной думе трудно устроить представительство всех мелких сибирских племен, тогда как в областной думе могут быть представлены и немногочисленные вымирающие племена, отличающиеся своеобразными условиями жизни и нуждающиеся «в неотложном рассмотрении их нужд под страхом скорого исчезновения». В тех случаях, когда интересы инородцев в Сибирской думе столкнутся с интересами русских, имеющих в ней большинство, инородцы будут иметь возмож-

ность апеллировать к центральной думе, используя в своих интересах противоречия между метрополией и колонией. Предполагалось, что интересы инородческих племен могут и должны быть обеспечены учреждением для каждой из них одной общей думы. Так, все бурятские «ведомства» и «степные думы» должны быть объединены одной общей бурятской думой; киргизы должны получить свою думу; алтайские дючины, рассеянные как в Бийском, так и в Кузнецком уездах, должны слиться в лице одной Алтайской думы [2. С. 260–262, 285]. Таким образом, в выстроенной областниками-«автономистами» «юридической конструкции» на первый план выдвигались «общие бытовые особенности Сибири, вызывающие необходимость особого законодательства, особого законодательного учреждения» [3. С. 112].

«Централисты», которые в отличие от «автономистов» признавали наличие «бытовых особенностей, дающих право на автономные законодательные учреждения лишь у инородческого населения Сибири, отвергали необходимость общесибирского законодательного органа и предлагали организовать законодательные учреждения только крупных коренных этносов» [2. С. 260–261]. Предложения «автономистов», как верно отмечал томский кадет Н.В. Некрасов, сторонник автономии Сибири, будущий министр Временного правительства, строились на принципе территориальной (иначе: областной) автономии, дополненной некоторыми элементами национальной автономии. В основу построений «централистов» был положен принцип национальной автономии в чистом ее виде [3. С. 112].

Вместе с тем в предложениях как «автономистов», так и «централистов» игнорировалось наличие «бытовых особенностей» у пришлого нерусского населения из числа переселенцев, ссыльных, беженцев, выселенцев и других добровольных и вынужденных мигрантов (украинцев, белорусов, поляков, евреев, немцев, татар, народов Поволжья и Приуралья и др.), большая часть которых осела в Сибири и составляла примерно пятую часть ее населения.

Февральская революция была воспринята сибирскими областниками как шанс для осуществления своих автономистских устремлений. В условиях революции и сама областническая идея, и национальная программа, и политика областников претерпели существенные изменения. Сказался размах и характер национальных движений, а также влияние общероссийских партий, особенно эсеров, сибирские организации которых активно вклю-

чилились в областническое движение. Томское губернское народное собрание в мае 1917 г., по докладу областника М.Б. Шатилова, высказалось за организацию областного самоуправления в форме Сибирской областной думы и постановило созвать в Томске общесибирский областной съезд [4].

Съезд открылся 2 августа. Ввиду неполного представительства (всего собралось 76–77 делегатов, из них 17 нерусских) [5. 1917. 12 авг.] было решено считать его предварительной конференцией общественных организаций Сибири [6. С. 21–22]. По словам иркутского областника И.И. Серебренникова, конференция «была знаменательна, – как первый всесибирский почин областников в деле пробуждения сибирского самосознания» [7. С. 35]. Из национальных организаций на ней были представлены Иркутский бурятский национальный комитет (Б. Вампилун), Томский губернский мусульманский совет (А.И. Юнчев) и его исполнительный комитет (З.С. Гайсин), томская организация Бунда (И.Л. Магун), Кузнецкое уездное инородческое народное собрание (А.И. Побызиков), Инородческий съезд Минусинского уезда (С.Д. Майнагашев) [8. Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 28. Л. 15, 16] и др.

По докладам И.И. Серебренникова «Об автономии Сибири» [7. С. 34] и томского делегата эсера Е.В. Захарова «Об основных началах автономного устройства Сибири» [6. С. 22] конференция приняла постановление «Об автономном устройстве Сибири», предусматривающее, что Сибирь «должна обладать той полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти, какой обладают отдельные штаты в современных федеративных государственных соединениях» (§6). Это требование основывалось на «непоколебимом убеждении» делегатов, что «при единстве всей территории русской республики некоторые ее части будут организованы на началах автономии национальной или территориальной, вплоть до организации всей русской республики на федеративных началах». Из этого выводился пункт постановления, предполагающий обеспечение основными законами страны прав «национальных меньшинств в местностях со смешанным населением» и прав «наций без территории путем образования экстерриториальных персонально-автономных союзов, со своими местными и общегосударственными представительными органами, для заведывания всеми своими культурными и национальными делами» (§4).

В свою очередь автономная Сибирь в дальнейшем (при постепенном расширении пределов ее автономии) могла «передать часть принадлежащих ей законодательных полномочий ее отдельным областям и национальностям, заселяющим определенную территорию, иначе говоря, превратиться в федерацию, т.е. в союз областей и национальностей, пользующихся более или менее широкой автономией» (§9) [9. С. 11]. По словам одного из лидеров областников И.А. Якушева, «это был *первый открытый общественный восторг* о необходимости автономного устройства Сибири». Выступавшие на конференции представители национальностей «единодушно... высказались за автономное устройство Сибири» [6. С. 23].

Решения августовской конференции в национальном вопросе основывались на близком к эсеровскому вари-

анте: широкая автономия Сибири в федеративной демократической России и обеспечение национальных прав через предоставление территориальной автономии народам, имеющим компактную территорию расселения, и экстерриториальной, персональной – национальным меньшинствам и «нациям без территории». Как отмечалось в статье Д. Портнягина «Автономия туземных племен Сибири», экстерриториальная автономия будет распространена на татар, а также на «народы персидской крови» (узбеки, сарты) и «тунгузские племена» (тунгусы, дауры, орочены). Предполагалось, что для этих племен национальная автономия будет носить не чисто экстерриториальный, а смешанный характер в виде локальных территориально отграниченных автономных «участков», связанных в единый экстерриториальный национально-персональный союз [6. С. 5–7].

Решения конференции отразили стремление ее делегатов максимально учесть интересы и специфику *всех* национальностей, проживающих в Сибири, с тем, чтобы найти оптимальное демократическое решение национального вопроса. Для этого была использована национальная программа эсеров. Учитывались и определившиеся к тому времени тенденции в национальном движении. В основу национального самоуправления, создававшегося бурятами, алтайцами, шорцами, хакасами, закладывался принцип, по которому низовые органы самоуправления создавались на территориальной основе, а высшие – на экстерриториальной. Казахская партия «Алаш» отстаивала для казахов принцип национально-территориальной автономии, а для национальных меньшинств – культурно-национальной. Национальные меньшинства: украинцы, немцы, евреи и др., строили свое национальное самоуправление на экстерриториальной основе. Этноконфессиональное меньшинство – мусульмане, представлявшие собой трудноразделимый конгломерат коренного (сибирские татары) и пришлого (татары Поволжья и др.) населения, также усматривали наилучший способ удовлетворения своих религиозных и национальных потребностей в культурно-национальной автономии.

Не удивительно поэтому, что все присутствовавшие на конференции представители национальных организаций и движений «единодушно» высказались за автономное устройство Сибири. Активная позиция «националов» вызвала удовлетворение организаторов конференции. Впоследствии член организационного комитета эсеров Е.В. Захаров так оценил выступления на конференции минусинских инородцев, мусульман, алтайцев, якутов: «Эти национальности настолько ярко, определенно, в такой законченной форме и с таким глубоким пониманием положения момента оценили важность общесибирского съезда, что... заставило нас сказать: если бы на Томской конференции не было ничего другого, кроме заявления национальностей, и то они имели бы свое место, очень и очень большое в истории» [10. Ф. Р-552. Оп. 1. Д. 3. Л. 21–22].

Для обсуждения вопроса об автономном устройстве Сибири и выработки соответствующего законопроекта для внесения в Учредительное собрание конференция постановила созвать не позднее 15 октября 1917 г. правомочный съезд представителей губерний и областей Сибири. Ввиду того что прямые выборы провести не

«представлялось возможным», было решено установить представительство от тех организаций губерний и областей, которые «наилучшим образом», по мнению делегатов, отражали политические и социальные чаяния граждан: от органов местных самоуправлений, в том числе национальных (каждая национальная объединенная организация могла послать на съезд 5 представителей) и общественно-политических, кооперативных, профессиональных и научных организаций Сибири. Такое представительство, хотя и не было совершенно по своей конструкции, в то же время, по словам И.А. Якушева, «в полной мере отвечало условиям времени и давало полную возможность выявить все желания и противоречия широких масс и групп сибирского населения» [6. С. 25].

Конференция закрылась 9 августа, избрав для подготовки съезда Центральный сибирский организационный комитет, в котором были представлены и национальные организации: Иркутский бурятский национальный комитет, исполком Томского мусульманского совета, Национальный комитет инородцев Минусинского края, Алтайская горная дума [9. С. 14]. В короткое время отделения комитета образовались в 27 городах. Для того чтобы полнее знакомить население Сибири со своей работой, комитет приступил к изданию «Известий Сибирского организационного комитета» [6. С. 26].

По решению организационного комитета созыв областного съезда, первоначально назначенный на 15 октября, «в видах большего перерыва между днем окончания съезда и началом избирательной кампании в Учредительное собрание» был перенесен на 8 октября [8. Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 27. Л. 53]. Его открытию предшествовал общесибирский съезд мусульман, созданный по инициативе Томского губернского мусульманского совета. Съезд открылся 4 октября 1917 г. в помещении русско-татарской библиотеки по Источной улице в доме № 13. Мусульманский съезд был приурочен к областному съезду с тем, чтобы, во-первых, делегаты-мусульмане могли принять участие в работе обоих съездов и, во-вторых, чтобы они пришли на областной съезд, имея на руках готовые решения. Мусульманскому съезду предстояло обсудить как вопросы внутренней жизни сибирских мусульман (о культурно-национальной автономии, о религиозной жизни, об объединении национальных организаций, экономический вопрос), так и их отношение к идее автономии Сибири [11. 3 окт.].

На открытии мусульманского съезда с приветственной речью от имени Организационного комитета по созыву областного съезда выступил эсер Е.В. Захаров. Он заверил мусульман, что партия эсеров в национальном вопросе не идет вразрез с чаяниями сибирских областников и что ею уже признана культурно-национальная автономия мусульман, провозглашенная всероссийским мусульманским съездом. (Речь шла о решениях трех съездов мусульман в Казани (июль 1917 г.), провозгласивших необходимость создания культурно-национальной автономии мусульман Внутренней России и Сибири). В ответной речи Ю.Р. Саиев заверил собравшихся, что мусульманский съезд в своих суждениях и решениях будет руководствоваться трудами сибирской областной конференции и что пути областничества не разойдутся с путями, начертанными «пионером областничества» Г.Н. Потаниным [11. 1917. 7 окт.], кото-

рый был избран почетным председателем президиума съезда, а на следующий день почтил мусульман личным присутствием и приветствием.

Первым был рассмотрен вопрос о культурно-национальной автономии мусульман Сибири. После продолжительных прений была принята резолюция, предусматривающая необходимость создания временного Центрального совета Союза сибирских губернских мусульманских советов, избираемых из представителей губерний и областей, участвующих в работе съезда. Действия совета объявлялись временными впредь до созыва Сибирской областной думы, в мусульманский отдел которой должны быть сданы все дела совета.

Проведение культурно-национальной автономии мусульман Сибири в жизнь мыслилось в тесном контакте с областниками. На это же указывает и резолюция «По вопросу об автономном устройстве Сибири», требующая, «чтобы Сибирь была федеративно-автономна во главе со своею Сибирскою областною думою», что должно быть санкционировано Всероссийским Учредительным собранием. До созыва Учредительного собрания Сибирский областной съезд «должен выделить из своего состава Центральный сибирский областной комитет с пропорциональным представительством национальностей и туземных племен, населяющих Сибирь», на который должна быть возложена задача разработки материалов об автономном устройстве Сибири и ее конституции для внесения в Учредительное собрание [11. 1917. 8, 10, 14 окт.].

Были приняты также резолюции «Об открытии областного духовного собрания» по женскому, рабочему и военному вопросам. Как позднее писал один из лидеров мусульманского движения в Сибири эсер Ю.Р. Саиев, решения съезда мусульман были обусловлены ситуацией острого политического кризиса в стране, грозившей разрывом всяких сношений с Европейской Россией, а тем самым и с центральными мусульманскими организациями. Надвигающуюся «большевистскую революцию» мусульмане хотели встретить во всеоружии, т.е. объединившись сами и соединив свои усилия с усилиями областников. Причем, по мнению Саиева, мусульмане разделяли мнение о том, что оздоровление России «должно идти не из центра, а как раз наоборот, с окраин, как менее подверж[енных] большевизму и более устойчивых в смысле проникновения туда разложения»... Поэтому, по словам Саиева, задачей созданного съездом центрального сибирского объединения было не только проведение в жизнь культурно-национальной автономии, но и противодействие «проникновению большевизма в мусульманские массы», а для этого – «принятие самого деятельного участия в создании областного общесибирского объединения». С организацией противодействия большевизму Ю.Р. Саиев напрямую связывал и задачу созыва 1-го Сибирского мусульманского военного съезда и формирования мусульманских национальных полков [10. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 2. Л. 61 и об.].

Первый сибирский мусульманский военный съезд состоялся в Томске уже после октябрьского переворота, 25 ноября 1917 г. Решения съезда обнародованы не были. Но известно, что на съезде «было решено выделить всех мусульман из состава воинских гарнизонов сибирских городов и составить из них особые мусульманские роты.

Для проведения этого постановления в жизнь была организована в Томске Центральная Всесибирская мусульманская организационная комиссия, которая в случае объявления Сибири автономной должна была присвоить себе название – Центральный Сибирский военно-мусульманский комитет. Первая мусульманская рота в Томске была сформирована уже в начале декабря. По свидетельству И.А. Якушева, мусульманские роты «были спаяны крепкой дисциплиной и были настроены определенно против большевиков» [12. С. 20].

Первый сибирский областной съезд стал триумфом эсеро-областнической идеи. Энергичная деятельность организационного комитета дала желаемый результат. К 8 октября 1917 г., дню открытия съезда, в Томск съехались делегаты из самых отдаленных мест Сибири, начиная с Дальнего Востока и кончая степями Тургайской области. Как писал позднее И.А. Якушев, «чувствовалось, что постановления конференции об автономии Сибири сделали свое дело, и многоплеменная, живая, здоровая Сибирь зашевелилась, загудела, как пчелиный рой, готовый вылететь из улья, но уже совершенно самостоятельным» [6. С. 27]. Всего прибыло 182 делегата, имевших 228 мандатов от 17 типов общественных, политических, национальных организаций [13. С. 105; 14. С. 23].

Представительство национальностей и национальных организаций было внушительно: 67 делегатов (37%) из 182. Часть из них представляла органы самоуправления, советы и другие организации, не носившие национального характера, другая, значительно большая часть, – национальные организации. Особенно широко были представлены киргизские (казахские) и мусульманские советы всех уровней и, кроме того, Алтайская горная дума, Телеутская инородная управа, Якутский национальный комитет, Головная украинская рада в Сибири (Омск), Барнаульская украинская громада, Рада Омской украинской вольной громады, украинский клуб «Згода» (Томск), Центральный комитет русских граждан немецкой национальности, Объединенный комитет еврейских общественных организаций в Иркутске. Всего около 30 национальных организаций [10. Ф. Р-552. Оп. 1. Д. 1]. На съезде делегаты-националы выделились в национальную группу и выступали от ее имени как от отдельной фракции [13. С. 108].

Программа работы съезда, намеченная организационным комитетом, отводила значительное место для обсуждения национального вопроса, который предполагалось рассмотреть уже 9–10 октября. Предусматривалось, что будут заслушаны и обсуждены доклады и декларации национальностей и специальный доклад о северных туземных племенах [8. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 659. Л. 15; 13. С. 110–111], с которым должен был выступить Д.Ф. Портнягин. Постановлено было также телеграфировать С.Д. Майнагашеву с просьбой выехать на съезд в качестве докладчика по национальному вопросу за счет комитета [8. Ф. Д-143. Оп. 1. Д. 27. Л. 57 и об.]. Однако как можно судить по материалам съезда, специального рассмотрения национальные проблемы на съезде не получили из-за затянувшегося обсуждения вопроса об автономном устройстве Сибири. Тем не менее, составить представление о том, как смотрели на разрешение национальных проблем и делегаты-националы и организаторы съезда можно из прозвучав-

ших на съезде приветствий и выступлений по вопросу об автономии Сибири, по земельному вопросу и др.

Центральное место на съезде занимал вопрос об областном устройстве Сибири. Его обсуждение началось с двух обширных десятичасовых докладов, сделанных членами организационного комитета, эсерами М.Б. Шатиловым («Сибирь как составная единица Российской Федеративной Республики») и Е.В. Захаровым («Основные начала автономного устройства Сибири» [10. Ф. Р-552. Оп. 1. Д. 5, 6; 8. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 659. Л. 1–3]. Содокладчиком выступил омский делегат Павлов. В прениях по докладу выступали представители фракций с.-д. меньшевиков и большевиков, кадетов, эсеров и от национальных групп. За основу обсуждения были приняты постановления августовской конференции. Затем вопрос об областном устройстве Сибири обсуждался в секции и окончательно положение об автономии Сибири было принято большинством голосов (голосовало 113 чел., 104 – за, 5 – против, 4 – воздержались) на заключительном заседании 16–17 октября 1917 г. [13. С. 112].

Постановление это, как и решения августовской конференции, базировалось на эсеровской модели государственного устройства и решения национального вопроса: широкая автономия Сибири в федеративной демократической России и обеспечение национальных прав через предоставление территориальной автономии народам, проживающим компактно, и экстерриториальной, персональной – национальным меньшинствам и «нациям без территории», т.е. дисперсно расселенным этносам. Причем, выдвигая требование федеративного устройства России, областники не исключали в будущем федерализации Сибири на основе и областного, и национального принципов: «в процессе исторического развития Сибирь, в качестве автономной единицы, имеет право передать часть принадлежащих ей законодательных полномочий отдельным областям и национальностям, занимающим определенную территорию, если последние этого потребуют, т.е. в союз областей и национальностей» [13. С. 112].

Такой радикальный и вместе с тем гибкий подход, учитывающий разнообразие в уровнях политического, экономического и культурного развития народов России, не мог не снискать симпатии и поддержки с их стороны. «Инородцы», как отмечал современник, «оказались во всех случаях на высоте понимания момента. Горячо и настойчиво отстаивая свое национальное самоопределение, они шли навстречу всему остальному русскому населению и в вопросах земельных, и в вопросах областной автономии, не выделяя для себя каких-либо особых привилегий и преимуществ. А уж кто бы, как не они, имели на это полное право» [13. С. 114].

Удовлетворение совпадавшей с эсеровскими формулировками позицией «инородцев» по национальному вопросу звучало и в докладе Е.В. Захарова. Отстаивая §4 постановления августовской конференции (§4, по словам Захарова, был «его тезисом»), Захаров с восторгом констатировал, «что когда к этому постановлению прикасалась рука томской конференции, то мы чувствовали невиданное влияние национального воодушевления и необычайный подъем представителей инородцев, которые ... дали совершенно законченное понимание национальной проблемы» [10. Ф. Р-552. Оп. 1. Д. 5. Л. 29].

Отстаивая эсеровский подход, положенный в основу проекта постановления съезда об областном устройстве Сибири в части, касающейся национального вопроса, Е.В. Захаров основное внимание сосредоточил на обосновании и разъяснении принципа экстерриториально-персональной автономии. Суть его рассуждений сводилась к следующему. Право национальностей, достигших высокой степени развития национального самосознания, на национальное самоопределение бесспорно. Принятие этой формулы, по его словам, позволяет уложить «национальное самоопределение в русло спокойного течения..., в русло мирного, спокойного сожительства народов» [10. Ф. Р-552. Оп. 1. Д. 5. Л. 31]. Под национальным самоопределением Е.В. Захаров понимал «полное политическое самоопределение нации, живущей на определенной территории» либо в форме самостоятельного существования (Финляндия), либо в форме национально-территориальной автономии (Украина), либо (этот вариант признавался наиболее вероятным для Сибири) «путем создания парламентарного общесибирского органа народного представительства и затем уже выделения для данной национальности сферы самостоятельного ведения». В то же время, – отмечал Захаров, – есть национальностей, которые не живут сплошной массой, которые рассеяны среди других народов. Для таких национальностей «область политического самоопределения будет недоступна», так как оно «покоится» на территориальном принципе. Поэтому «рассеянные национальности» имеют право на «культурно-национальное самоопределение», позволяющее им «посредством создания правовых норм», признаваемых государственной властью и конституцией страны и обязательных для данной национальности, «охранять свою культуру, язык, верования..., не занимая определенной территории» [10. Ф. Р-552. Оп. 1. Д. 6. Л. 2–5].

Все выступавшие на съезде представители национальностей высказывались за федеративное устройство России и в поддержку областного движения и идеи автономии Сибири. Поддержка федералистско-автономистских устремлений организаторов съезда была обусловлена надеждой на то, что именно в автономной Сибири ее народам будет обеспечена возможность самоопределения и самоуправления. Автономная Сибирь рассматривалась лидерами национальных движений как необходимое условие национального самоопределения. «Самоопределение мы хотим получить вместе с Сибирью», – говорил лидер казахской партии «Алаш» А. Букейханов [15. 1917. 17 окт.]. В то же время приоритетное значение отдавалось национальному самоопределению. Тот же Букейханов заявлял: «Здесь нам говорят о федерации и об автономии, мы же требуем себе самоопределения, предоставления нам права самим решать, как нам управляться и жить. Нельзя управлять страной из Петрограда, то же можно сказать и про Сибирь – нельзя ею управлять из одного места» [11. 1917. 15 окт.].

Представления о том, какой характер должны носить формы национального самоопределения, у разных народов были различны и, как мы увидим дальше, не в равной мере определились. Так, позиция якутских делегатов С.А. Новгородова и З.А. Яковлева, представлявших Якутский национальный комитет и Якутский трудовой союз фе-

дералистов, строилась на программе последнего, которая предусматривала федеративно-демократическое устройство России. Сибирь же «должна быть организована на началах полной автономии во главе с Сибирской областной думой с законодательными правами...». В компетенцию Сибирской думы должен входить и национальный вопрос, который будет решаться на основе равноправия и предоставления народам Сибири права «на полное культурное самоопределение, употребление родного языка в общественной жизни и публично-правовых учреждениях, открытие национальных школ, союзов и учреждений, имеющих целью сохранение и развитие языка, литературы, культуры и самобытности каждой народности...». Как видим, в этой формуле сказывается влияние кадетской национальной программы образца 1905 г. Якутские федералисты не выдвигали лозунга национальной автономии, ограничиваясь требованием предоставления Якутской области земского самоуправления с широкой поддержкой государством земского хозяйства области [11. 1917. 14 окт.]. В последнем тезисе присутствует влияние программы «провинциальной автономии», принятой кадетами в мае 1917 г.

Это не означает, однако, что якутские федералисты были принципиальными противниками национально-территориальной автономии (и в этом их отличие от кадетов). Расчет был на то, что при абсолютном преобладании якутов (87% в составе населения области), «при пропорциональных или тем более территориальных выборах в земские учреждения фактически все земское дело должно перейти в руки якутов» [16. С. 87]. Считая выдвижение лозунга национально-территориальной автономии преждевременным из-за низкого уровня культуры и недостатка интеллигентных работников, якутские федералисты рассчитывали добиваться ее осуществления в будущем по мере развития культуры народов Сибири. З.А. Яковлев, в частности, заявил: «Я думаю, и так думает Якутский трудовой союз федералистов, что в руки невежественного народа нельзя дать закон – это будет в его руках оружие, которым он загородит себя от всего культурного мира» [11. 1917. 14 окт.].

Поэтому на съезде С.А. Новгородов вступил в полемику с казаком Р.М. Марсековым, представителем Семипалатинского киргизского комитета, выступавшим против создания национальных парламентов (сеймов) Сибири. По мнению Марсекова, народы Сибири должны входить в состав автономной Сибири на правах областей, обладающих самым широким самоуправлением. Законодательные же функции должны принадлежать сибирскому парламенту, в котором будут иметь соответствующее представительство и национальности. «Трудность не в том, – возражал Марсекову Новгородов, – что невозможно разграничить законодательные функции общесибирского парламента и национальных сеймов, а в том, что нет достаточных культурных сил для ведения национального законодательного управления» [10. Ф. Р-552. Оп. 1. Д. 6. Л. 70–72, 79]. Этими соображениями, по всей вероятности, и было обусловлено то, что в программе Якутского трудового союза федералистов отсутствовало требование национально-территориальной автономии, но имелись пункты о земском самоуправлении и национально-культурном самоопределении. Земство и националь-

но-культурное возрождение рассматривалось якутскими федералистами как этапы на пути к национально-территориальной автономии якутов.

Иначе представляли себе национальное самоуправление бурятские национальные организации, которые к моменту созыва общесибирского съезда имели детально разработанную программу национальной автономии, представляющую собой модернизированный вариант самоуправления, которым буряты пользовались по уставу 1822 г. [16. С. 77–84]. Представители бурят на общесибирском съезде не присутствовали, так как в это же время, 7–15 октября, в Верхнеудинске проходил общепурятский съезд, от имени которого в Томск была отправлена телеграмма. По ее содержанию можно судить, что лидеры бурятского национального движения, признавая необходимость автономии Сибири («Сибирь организуется во главе с общественной думой как штат федеративной республики Российской»), выступали против ее федерализации («съезд категорически высказывается против раздела Сибири на отдельные федеративные единицы»). При этом предусматривалась вероятность введения, с санкции общегосударственных законодательных учреждений, национальной автономии – «национальных сеймов», пользующихся «правом апелляции на решения областной Сибирской думы, по вопросам, касающимся инородцев, в общероссийском парламенте» [10. Ф. Р-552. Оп. 1. Д. 2. Л. 91]. Это был проект, как и предшествующие, вполне лояльный, общероссийской власти и полностью укладываемый в областническую программу.

Из выступавших на съезде представителей экстерриториальных народов четкая позиция по национальному вопросу была выражена в приветствии представителя томской организации Еврейской социал-демократической рабочей партии «Поалей-Цион» («Рабочие Сиона») Г. Голомбика. Заявив, что партией «Поалей-Цион» наряду с принципом территориальной автономии выдвигается принцип широкой персональной автономии для национальных меньшинств, в частности для евреев Сибири, и выразив уверенность в том, что съезд сделает все от него зависящее для признания этого принципа, Голомбик так представил видение своей партией решения проблемы национальных меньшинств в Сибири: «Для защиты интересов национальных меньшинств, населяющих Сибирь, каждому из них должно быть предоставлено право автономно управлять своими национальными интересами, которые должны быть выделены из компетенции государственного парламента, сибирского сейма и из органов местного самоуправления. С этой целью нации меньшинств создают органы полного национального самоуправления – местного, областного сибирского и всероссийского по персональному принципу» [11. 1917. 10 окт.].

В выступлениях делегатов-националов на октябрьском съезде отчетливо прозвучали выявившиеся к этому времени в Сибири тенденции национального самоуправления и самоорганизации. Причем позиции сибирских народов были различны. Взгляды одних характеризовались стремлением к национально-территориальной автономии (казахи); другие (якуты) заявляли, что национально-территориальная автономия – дело будущего, а пока необходимо добиваться земского самоуправления;

третьи (буряты) выдвигали лозунг национального самоуправления на смешанной территориальной (для низовых единиц) и экстерриториальной (для высших органов самоуправления) основе; четвертые (пришлые меньшинства) добивались экстерриториальной национально-персональной (культурной) автономии в чистом виде. Все эти притязания вполне укладывались в предложенную сибирскими эсеро-областниками триединую формулу решения национального вопроса: федерация, территориальная и экстерриториальная национальная автономия.

На съезде не обошлось, однако, без некоторых трений, которые были вызваны тем, что признавая значение национального фактора, организаторы съезда основной упор делали на контакты и учет интересов в первую очередь автохтонного населения, представители которого, как мы видели, проявили высокую активность как на августовской конференции, так и на октябрьском съезде. Вероятно, этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что в решениях и конференции, и съезда обеспечение прав национальных меньшинств декларируется как общероссийская задача, а в части, касающейся задач сибирской власти, об этом нет ни слова. Более того, постановление съезда «Организация Сибири» предусматривало, что областной съезд избирает Сибирский областной совет, в который должны входить наряду с представителями губерний и областей «по два представителя от туземных объединенных племен бурят, татар, киргиз, якутов, объединенных алтайских и минусинских народностей», а представительство пришлых национальных меньшинств постановлением не предусматривалось.

С последним обстоятельством связан инцидент, произошедший 16 октября во время выборов в исполнительный комитет Сибоблсовета, в члены которого вошли представители преимущественно автохтонного населения: казах А.А. Ермаков, якут С.А. Новгородов, в кандидаты: бурят Б. Вампилун и от мусульман – чеченец Ю. Саев [17. С. 6]. Сначала запротестовали украинцы, которых поддержали немцы [10. Ф. Р-552. Оп. 1. Д. 2. Л. 5а; Д. 10. Л. 57]. Инцидент был исчерпан постановлением съезда 17 октября, предусматривающим предоставление украинцам, имевшим общесибирский орган – Сибирскую украинскую раду, – двух мест в Областном совете, а немцам, имеющим организацию, охватывающую Западную Сибирь, – центральный комитет российских граждан немецкой национальности Западной Сибири, – одного места. В дальнейшем Сибоблсовету предоставлялось право самому решать вопрос о допущении в Совет представителей живущих в пределах Сибири организованных национальностей, имеющих общесибирскую организацию [10. Ф. Р-552. Оп. 1. Д. 2. Л. 34].

Деятельность исполнительного комитета, в состав которого, помимо названных выше лиц, вошли Г.Н. Потанин (почетный председатель), В.М. Крутовский, Б.М. Ган, М.Б. Шатилов, Е.В. Захаров, А.А. Алексеев, кандидаты – И.П. Гудков, П.Я. Дербер, Г.И. Жернаков, Н.И. Кузьмин, – была направлена на подготовку материалов для Учредительного собрания Сибири. Комитет разработал план работ, согласно которому при нем создавался ряд отделов, долженствующих быть «зародышем» будущих сибирских министерств [6. С. 33–34]. В их числе был национальный отдел, в обязанности которого входила «сводка и систематическая разработка сырых мате-

риалов и всех проектов отдельных туземных племен, а также выработка окончательного проекта той части конституции Сибири, которая будет определять положение туземных племен» [18. С. 3–4]. Как видим, план, намеченный национальной секцией, в которой преобладали «инородцы», не предусматривал деятельности, направленной на обеспечение прав и интересов пришлых национальных меньшинств. В дальнейшем ситуация кардинально изменится.

Федералистские устремления сибирских областников развивались в одном русле с аналогичными течениями в других регионах России, большинство из которых, в отличие от сибирского областничества, носило характер национальных движений. Бесспорным лидером здесь была Центральная Украинская рада. В сентябре 1917 г. в Киеве по ее инициативе состоялся «конгресс народов и областей, стремящихся к переустройству России на федеративных началах». Киевский конгресс провозгласил «единственно приемлемой формой федерации» федерацию, «построенную на национальном принципе». Национальностям, не имеющим общей территории, предоставлялось право на экстерриториально-национальную автономию. Федеративный строй демократической России, по мнению участников съезда, диктовался необходимостью устранения чрезмерной централизации законодательной и исполнительной власти, являющейся тормозом развития государства, задерживающей развитие хозяйственной самостоятельности населения, вызывающей эксплуатацию окраин в пользу центральной бюрократии [19].

Съезд народов в Киеве постановил «указать Временному правительству на необходимость реорганизовать существующее Особое совещание по областной реформе в особый Совет национальностей при Временном правительстве как орган для защиты интересов народностей». Кроме того, съезд единогласно «указал» на необходимость созыва местных учредительных собраний, устанавливающих «как нормы своих отношений к центральным органам федерации, так и конкретные формы внутренней организации автономных институтов данного народа или области». Для разработки и проведения в жизнь намеченных мероприятий, необходимых для осуществления национального и автономно-федеративного строительства, Съезд народов принял решение создать особый полномочный орган – Совет народов – с местопребыванием в Киеве [19]. На места, в том числе и в Сибирь («правительству автономной Сибири»), были посланы телеграммы, приглашающие послать в Совет народов от каждого народа двух представителей с правом решающего голоса и двух представителей с правом совещательного голоса. Президиум Первого Сибирского областного съезда постановил послать в Совет народов от имени объединенных представителей Сибири двух человек. На имя Совета народов, который должен был начать работу 24 октября, была отправлена приветственная телеграмма [10. Ф. Р-552. Оп. 1. Д. 10. Л. 116, 117]. По свидетельству И.А. Якушева: «Временный Сибирский областной совет, признавая... необходимым вступить в сношения с Киевом по целому ряду других вопросов, не исключая и военных, делегировал в Киев в качестве уполномоченного Сибирского правительства при Укра-

инской раде А.Е. Новоселова. Вслед за отъездом А.Е. Новоселова были назначены уполномоченные Временного Сибирского областного совета в автономную Киргизию и в автономный Туркестан» [12. С. 16].

Образование областных правительств на окраинах Российского государства выдвинуло на повестку дня вопрос об установлении взаимной связи между ними. После октября 1917 г. Украинская Центральная рада предпринимает шаги к созданию разнородного блока антисоветских сил: демократических, областных и национальных. В.К. Винниченко, возглавлявший правительство Украинской Народной Республики – Генеральный секретариат Центральной рады, – объяснял это тем, что «реальные силы русской государственности растеклись по окраинам. ...Сама жизнь выдвигает идею федеративного правительства» [20. С. 16]. Поэтому в ноябре 1917 г. Генеральный секретариат обратился к «областным» правительствам Дона, Кубани, Белоруссии, Кавказа и Сибири с предложением образовать по федеративному принципу однородное социалистическое правительство «на основе следующей платформы: 1) заключение общего демократического мира и 2) своевременный созыв Всероссийского Учредительного собрания» [19, 21, 22. № 2. С. 6]. Как писал позднее И.А. Якушев: «Не возлагая больше надежды на центр, окраины Российского государства признали необходимым бороться с анархией собственными силами. Для этого нужно было установить авторитетную власть на местах, и она явилась в виде областных правительств, объявивших себя автономными государственными образованиями. Помимо Украины началось фактическое самоопределение Кавказа, Дона, Кубани, Башкирии, Молдавии и других частей государства. На путь самоопределения должна была стать и Сибирь, что и свершилось на Чрезвычайном общесибирском съезде» [6. С. 34].

Чрезвычайный областной сибирский съезд начал свою работу 6–7 декабря 1917 г. в Томске. В декларации по текущему моменту, принятой съездом, заявлялось о создании «во имя спасения Сибири общесибирской социалистической, от народных социалистов до большевиков включительно, с представительством национальностей власти» в лице Сибирской областной думы и ответственного перед ней Областного совета [23. С. 3]. Национальная фракция при обсуждении этой декларации обратилась в президиум съезда с заявлением о том, что она понимает формулу «от н.-с. до большевиков» «не как императивную в смысле обязательства соглашения с большевиками», а как допустимую, если большевики встанут «на точку зрения съезда во всех вопросах» [10. Ф. Р-578. Оп. 1. Д. 2. Л. 19]. Позиция национальной фракции нашла понимание у большинства делегатов съезда и, как пишет И.А. Якушев, «в разъяснение этого пункта» [6. С. 38] съезд принял формулу перехода, в которой говорилось, что до Учредительного собрания Сибири законодательный орган должен состоять из представителей демократии без участия цензовых элементов, а в органы исполнительной власти «могут войти все социалистические партии от народных социалистов до большевиков включительно с представительством национальностей, если партии принимают платформу настоящего съезда, т.е. безусловную борьбу за избранное всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием Всероссийское

Учредительное собрание и за областное народоуправство Сибири...» [23. С. 3].

Оставляя за Всероссийским Учредительным собранием право определить «порядок управления Сибири как автономной области Российской Федеративной Республики», Чрезвычайный съезд выработал «Положение о временных органах управления Сибири», согласно которому высшей властью в регионе объявлялась временная Сибирская областная дума и избираемый ею Сибирский областной совет, действующие «впредь до решения вопроса о форме внутреннего управления Сибирским Учредительным собранием» [23. С. 3].

Съезд закончил работу 15 декабря избранием временного Сибирского областного совета во главе с Г.Н. Потаниным. В его состав вошли эсеры П.Е. Дербер, М.Б. Шатилов, А.Е. Новоселов, Е.В. Захаров, член Трудовой народно-социалистической партии Г.Б. Патушинский и два представителя от национальностей Сибири – казах Е.В. Ермаков и, по настоянию делегатов-украинцев, левый эсер Д.Г. Сулим (с совещательным голосом) [11. 1917. 20 дек.]. 1 января 1918 г. Г.Н. Потанин заявил о своей отставке из-за несогласия с политикой «заигрывания с большевиками, проводимой левым большинством Сибоблсовета. Председателем Сибоблсовета стал эсер П.Я. Дербер. При Сибоблсовете были созданы финансово-экономический, военный и национальный советы. В военный совет вошел активный деятель мусульманского движения в Сибири чеченец Ю.Р. Саиев (председатель центральной сибирской мусульманской военной комиссии) [12. С. 18]. В национальный совет были избраны алтаец Г.М. Токмашев (н.-с.), украинец В.А. Строкан (эсер) [10. Ф. Р-578. Оп. 1. Д. 1. Л. 118; 22. № 1. С. 3]. Позднее в состав национального совета были введены представитель немцев (Фрезе), бурят (И. Трубочеев), якутов (Г.Г. Колесов), хакасов (Окунев) [12. С. 18]. Этот состав предполагалось пополнить представителями других национальностей и специалистами – «сведущими лицами».

Одной из первых акций национального совета стала опубликованная в газетах телеграмма «Всем национальностям и племенам Сибири» с призывом к организации и сплочению «вокруг сибирской народной власти» [22. № 1. С. 4]. Вслед за этим национальный совет публикует в газетах два программных документа: «Обращение к национальным и научным организациям Сибири и ко всем ее гражданам» и «Задачи национального совета» [22. № 1. С. 4–5; № 2. С. 2–3].

Как можно судить по этим документам, национальный совет создавался как «осведомительно-совещательный» орган при Сибирском правительстве, когда «действия и распоряжения этого правительства будут касаться национальных интересов и нужд». В задачу национального совета вменялось: «выяснить и защищать интересы и нужды всех сибирских народностей, как пришлых, так и туземных». Осуществление этой общей задачи предполагалось «через пробуждение инстинкта самосохранения у всех народов и племен Сибири (независимо от их численного состава и культурного развития) и через содействие их национальной самоорганизации». Национальный совет должен был «охранять нации от пренебрежения их интересами со стороны органов власти, обыч-

но выражающих волю и интересы лишь национального большинства, т.е. одной народности».

Однако «чтобы знать и защищать истинные интересы и нужды каждой национальности в области управления, суда, податного обложения, образования, медицинской помощи – вообще народного права, быта и хозяйства», – нужно было их выяснить. Поэтому в задачу национального совета входило «собрание и систематическая обработка всевозможных материалов по национальным вопросам Сибири, их численного состава, размеров их землепользования, форм их хозяйственного быта, культурно-исторических и национальных особенностей в области верований, знаний, правовых понятий и обычаев, например, темперамента, пожеланий и идеалов в различных областях жизни (политической, хозяйственной и общекультурной)». Эти задачи и направления деятельности национального совета определялись как «основные», как задачи на длительную перспективу.

Помимо этого выделялись «неотложные и ближайшие задачи», среди которых первостепенное значение придавалось «организации национальностей» для того, чтобы они могли выявить свою волю в Сибирском Учредительном собрании. Особое внимание уделялось «бродячим туземным племенам севера и северо-востока Сибири, подверженным вымиранию». Совету надлежало «с возможной скоростью выяснить причины этого явления» и изыскать действенные «способы борьбы с ним».

К числу неотложных задач было отнесено также «широкое распространение идеи областничества» среди народов Сибири. Национальному совету вменялось в обязанность призывать народы Сибири к оказанию созданных Чрезвычайным съездом временных сибирских органов власти – Сибоблсовету и Сибоблдуме – «всемерной поддержки словом и делом». В своей деятельности национальный совет должен был «руководствоваться принципом мирного братского сожительства всех народов и племен Сибири... Не разжигание племенной вражды, не отделение одной народности от соседней высокой стеной предубеждения и ненависти, и тем более – не политический сепаратизм (разрыв политических связей с Россией вообще и с Сибирью, в частности), должны быть начертаны на знамени национального совета, но взаимное уважение, доброжелательство и культурное сотрудничество народностей».

В соответствии с «Положениями о временных органах управления Сибирью», принятыми Чрезвычайным съездом 15 декабря 1917 г., в состав временной Сибирской Областной думы в числе «революционных и демократических организаций» должны были войти и представители национальных организаций, избираемых: от каждого казахского (в терминах тех лет – киргизского) областного совета депутатов – по 4 депутата, от центрального киргизского комитета – 3 депутата, от Иркутского и Забайкальского национальных комитетов – по 2 депутата, от Якутского национального комитета – 4, от Алтайской горной думы – 2, от минусинских туземных племен – 2, от татар – 5, от каждого из остальных организованных туземных племен – по 1, от общесибирских национально-политических организаций каждого национального меньшинства – по 2 депутата, от каждого районного объединения таковых организаций – по 1, а всего

от каждой из названных организаций национальных меньшинств – не более 5. Кроме того, одного депутата могла послать каждая центральная сибирская военная организация [23. С. 3–5]. Как видим, Положение предусматривало представительство и автохтонного населения Сибири, и пришлых национальных меньшинств.

К 8 января, на которое было назначено открытие Думы, необходимого кворума в 90 депутатов не набралось. Лишь 25 января было зарегистрировано 93 депутата, из них 23 представляли национальные организации [24. С. 6]. Приехавшие депутаты проводили частные совещания, организовывались во фракции. Национальная фракция оформилась одной из первых. Г.К. Гинс относит ее вместе с эсеровской к наиболее сильным группировкам в Думе, а ее политические настроения называет более умеренными, чем у эсеров [25. С. 74–75]. В ее временное бюро были избраны поляк Романовский, немец Фрезе и бурят Трубочеев [22. № 2. С. 3]. Когда депутаты Думы начали съезжаться в Томск, национальный совет стал заседать вместе с национальной фракцией [12. С. 18]. Результатом совместной работы стали обращения к народам Сибири и целый «ворох» законопроектов, подготовленных для внесения в Думу.

24 января 1918 г. газеты опубликовали подписанную членами национального совета и думской национальной фракции телеграмму «К народам Сибири», 27 января – новое обращение «Ко всем народам Сибири». В этих документах содержался призыв «объединиться и организоваться для борьбы за Всероссийское Учредительное собрание, Сибирскую областную думу и Сибирское Учредительное собрание». А для этого предлагалось немедленно войти в тесную связь с другими национальными организациями; организовать общенациональные комитеты (губернские, уездные, городские, волостные и сельские) с равным представительством всех национальных организаций; помочь организовать тем национальностям, которые не сумели этого сделать сами; заняться усиленной пропагандой идей автономии; готовиться к созыву конгресса народов Сибири и др. [11. 1918. 24 янв.; 15. 1918. 27 янв.].

Созыв конгресса народов намечался на первую половину марта 1918 г. В его задачи входило:

- а) информирование народов Сибири о положении дел в регионе;
- б) ознакомление их с положением власти (Областной думы) в Сибири;
- в) согласование действий и сплочение сил народностей для поддержки и отстаивания автономии Сибири;
- г) достижение взаимопонимания и солидарности по вопросу о самоопределении народностей.

Каждой народности еще до созыва съезда «настоятельно рекомендовалось» созвать всесибирские съезды «правильно избранных представителей своей народности для выработки конституции своего автономного устройства, территориального или экстерриториального». Каждая народность могла делегировать на съезд не более 5 делегатов, избранных всесибирскими съездами или краевыми национально-политическими объединениями, снабдив их «письменно изложенными положениями» [26].

Конгресс народов Сибири весной 1918 г. созвать не удалось, но обращения национального совета и нацио-

нальной фракции Сибоблдумы не остались без ответа. Так, Алтайская губернская украинская рада в обращении «К украинскому населению Алтайской губернии» сообщала о своем решении «поддерживать всеми способами Областную Сибирскую думу в г. Томске в ее работах над созывом Сибирского Учредительного собрания и созданием областного сибирского правительства». Украинскому населению предлагалось, во-первых, поддержать это решение вынесением подобных резолюций, во-вторых, приступить к немедленной подготовке к выборам в Сибирское Учредительное собрание, организовав на местах предвыборные комитеты, и, в-третьих, избрать делегатов на съезд украинского крестьянства в Барнауле, намечаемый на 2-ю половину февраля 1918 г. [27].

В январские дни 1918 г. национальный совет и думская национальная фракция развернули бурную законотворческую деятельность, к которой привлекались «сведущие лица», например историк-правовед Н.Я. Новомбергский и этнограф В.И. Анучин. 18–20 января 1918 г. было единогласно одобрено «Положение о Сибирском туземном фонде». 22 января национальный совет одобрил внесенный Анучиным законопроект «О министерстве туземных дел», 24 января этот законопроект был единогласно принят национальной фракцией Думы. В конце января на совещании депутатов Думы от туземных народностей было принято составленное Анучиным «Положение о территориях, переходящих в ведение сибирского министерства туземных дел» [28]. Помимо этого были разработаны и приняты национальной фракцией «Положение о Министерстве туземных дел», «Положение о туземном национальном совете», «Законопроект об учреждении Министерства экстерриториальных народностей» [10. Ф. Р-72. Оп. 2. Д. 1. Л. 24–28 с об.; Оп. 1. Д. 48. Л. 90].

Все эти законопроекты предполагалось внести на утверждение Думы. Однако в ночь на 26 января 1918 г. с санкции Томского совета рабочих и солдатских депутатов Дума была распущена, а часть ее депутатов арестована. Вечером 26 и 27 января избежавшие ареста депутаты устроили частные совещания. Было принято решение не подчиняться насилию и продолжить работу. Национальная фракция выступила в печати с протестом против разгона Думы: «Мы заявляем, что ни штыки, ни угрозы, ни насилия и ни высылки не остановят нас на пути укрепления великих плодов революции – самоопределения народов Сибири, и поэтому мы продолжаем нашу работу» [12. С. 24].

Разгон Думы и арест ее депутатов вызвали протесты общественности и населения Сибири, в том числе и ее национальностей. Лидер томских бундовцев Д.И. Розенберг писал в редактируемой им газете: «Сибирских областников можно критиковать, можно с ними бороться, можно даже окончательно их уничтожить. Но все это должно быть сделано чистым демократическим путем, путем пропаганды, агитации, раскрытия вздорности их идей..., но не путем арестов, ночных налетов» [29].

Особенно активно протестовали мусульмане против ареста члена Сибоблсовета, председателя Центрального Сибирского мусульманского совета Ю.Р. Саиева. Мусульманское бюро Томска выразило протест по этому поводу, доведя его до сведения Томского совета. Было созва-

но собрание мусульман города, которое послало специальную делегацию с ультимативным требованием освобождения Саиева. На заседании городской думы гласный думы по списку мусульман З. Гайсин от имени мусульман Томска выразил протест в связи с разгоном Думы и арестом их представителя. Активная кампания протеста мусульман, по всей видимости, возымела действие, так как на четвертый день после ареста Ю.Р. Саиев был освобожден [15. 1918. 28 янв., 4(17) фев.].

Но были и другие мнения, разделявшиеся левосоциалистическими национальными организациями. Так, Польский социалистический комитет в Томске, в котором к этому времени отчетливо определилось большевистски настроенное ядро, приветствовал разгон Думы и заявил о поддержке власти Советов [5. 1918. 31 янв.]. Комитет Польской социалистической партии в Иркутске заявил о бойкоте Сибоблдумы, хотя к этому времени она уже была разогнана, и аннулировал выданные им мандаты [30].

Официальное открытие Думы состоялось в 9 ч вечера 28 января при наличии более 40 ее членов. После выступления заместителя председателя Сибоблсовета П.Я. Дербера и выборов президиума Думы, в состав которого вошли И.А. Якушев – председатель, С.И. Никонов, Лазебник-Лазбенко и Романовский – товарищи председателя, Войтенко, Иванов-Мартынов и З.И. Шкундин – секретари, с декларативными заявлениями выступили представители фракций эсеров, народных социалистов и национальной фракции. Дума постановила согласовать и соединить эти три заявления, а затем обнародовать как декларацию Думы [12. С. 25]. В этом документе «ближайшими шагами по устройению многоплеменной и многонациональной России» объявлялось: «а) проведение социальных мероприятий по защите и сохранению туземных племен, б) предоставление экстерриториальным народностям в пределах общегосударственных законодательных норм права объединения в автономные общины на правах юридического лица и полной национально-персональной автономии во всех областях национальной жизни» [31. 1918. № 3. 11 июля. С. 3].

Затем состоялись выборы Временного правительства автономной Сибири. По свидетельству Г. Гинса, фракция национальностей, как и фракция эсеров, сначала выступила против избрания правительства. В конце концов та и другая фракции уступили настояниям Дербера,

потребовав только включения в его состав эсеров в числе, гарантирующие большинство [25. С. 75–76]. В состав правительства было избрано 20 человек. В их числе были представители национальных организаций: Ринчино, представитель Бурятского национального комитета, – министр народного просвещения; татарин Ш.Г. Неометулов – министр без портфеля. Алтаец В.Т. Тибер-Петров, делегированный Алтайской горной думой, был назначен министром туземных дел; Д.Г. Сулим, делегированный Алтайской губернской украинской радой, – министром экстерриториальных народностей. (По свидетельству И.А. Якушева, Д.Г. Сулим впоследствии был исключен из состава Думы, так как перешел на сторону большевиков [32].) Как писал Г.К. Гинс: «Национальная фракция потребовала создания, кроме министерства туземных народностей по делам киргиз, бурят и пр. народностей, занимающих определенную территорию, еще министерства экстерриториальных народностей, т.е. иноплеменников, рассеянных по всей Сибири, каковы украинцы, поляки, евреи и др. Эти два министерства должны были быть замещены кандидатами фракции. Кроме того, фракция требовала предоставления ей кандидатуры также министра народного просвещения» [25. С. 76]. Таким образом, национальная фракция сумела не только провести своих кандидатов в состав правительства, но и добилась утверждения первой сессией Сибирской областной думы законопроектов об учреждении министерств туземных дел и экстерриториальных народностей. Остальные разработанные ею законопроекты из-за изменившейся политической ситуации так никогда и не были рассмотрены в Думе.

Новый шанс осуществления своих программных положений и теоретических разработок сибирские областники получили после свержения советской власти в июне–октябре 1918 г. Но в условиях колчаковского режима, придерживающегося принципа сохранения единой и неделимой России, установки областников уже не могли получить положительного разрешения. Тем не менее уникальный исторический опыт решения национального вопроса сибирскими областниками в переломные годы революции и гражданской войны, несмотря на его кратковременность, и сегодня является актуальным и может быть использован при решении национальных проблем в современной России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Право*. СПб., 1905.
2. *Потанин Г.Н.* Нужды Сибири // *Сибирь. Ее современное состояние и ее нужды*. СПб., 1908.
3. *Некрасов Н.В.* Письма о национальностях и областях. Культурные и политические проблемы Сибири // *Русская мысль*. 1912.
4. *Российский государственный исторический архив Дальнего Востока*. Томск. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 7. Л. 36 и об., 37.
5. *Знамя революции*. Томск, 1917, 1918.
6. *Якушев И.А.* Февральская революция и сибирские областные съезды (к истории областного движения в Сибири) // *Вольная Сибирь*. Сб. 2. Прага, 1927.
7. *Серебренников И.И.* Мои воспоминания. Т. 1. В революции (1917–1919). Тяньцзинь, 1937.
8. *Государственный архив Новосибирской области*.
9. *Известия Сибирского организационного комитета*. Томск. 1917. № 1.
10. *Государственный архив Томской области*.
11. *Сибирская жизнь*. Томск, 1917, 1918.
12. *Якушев И.А.* Очерки областного движения в Сибири // *Вольная Сибирь*. Сб. 3. Прага, 1928.
13. *В.К.* *Областное обозрение* // *Сибирские записки*. 1917. № 6.
14. *Шлювский М.В.* Сибирская областная дума (август – ноябрь 1918 г.) // *История «белой» Сибири*. Кемерово, 1995.
15. *Путь народа*. Томск, 1917, 1918.
16. *Демидов В.А.* Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917–1923. Новосибирск, 1983.
17. *Первый Сибирский областной съезд 8–17 октября 1917 г. в Томске*. Томск, 1917.

18. *План работ*, предложенный Исполнительным комитетом Первого Сибирского областного съезда. Томск, 1917.
19. *Центральный* государственный архив высших органов власти Украины. Ф. 115. Оп. 1. Д. 7. Л. 1,2 и об.
20. *Булдаков В.П.* Национально-освободительное движение народов России в 1917 г. и крах российской буржуазной государственности // *Исторические записки*. М., 1989. Т. 117.
21. *Государственный* архив Омской области. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 102. Л. 53.
22. *Известия* Временного Сибирского областного совета. Томск, 1918.
23. *Бюллетень* временного Сибирского областного совета. Томск, 1918. № 1.
24. *Шиловский М.В.* Сибирский представительный орган: от замыслов к драматическому финалу (январь–ноябрь 1918 г.) // *Сибирь в период гражданской войны*. Кемерово, 1995.
25. *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Т. 1. Пекин, 1921.
26. *Жизнь* Алтая. Барнаул. 1918. 9(22) фев.
27. *Дело* Алтая. Барнаул. 1918. 11 янв.
28. *Вольная* Сибирь. Пг. 1918. 17(4), 20(7), 30(17) марта.
29. *Земская* газета. Томск. 1918. 30 янв.
30. *Власть* труда. Иркутск. 1918. 6 апр.
31. *Вестник* Временного правительства автономной Сибири. Томск, 1918. № 3. 11 июля. С. 3.
32. *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. 5869. Оп. 1. Д. 21. Л. 26.

Статья представлена кафедрой современной отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «История» 26 декабря 2003 г.